

ПРОЛОГ

Полная луна совершенной формы освещала высокий живописный холм, каких немало можно лицезреть на просторах Лакантрии. В эту ночь краски стерлись, теряя свое дневное разнообразие. Предметы, хотя бы самую малость удаленные, казались черными на фоне более светлых небес. Прохладный ветер колыхал свежую весеннюю траву вместе с посягнувшими на ее территорию цветами.

Вдруг странное, неестественное свечение, опустившись на холм с самих небес, заколыхалось, постепенно принимая очертания человеческой фигуры. Казалось, оно не принадлежало этому миру, и уж точно не походило на свет солнца, сияние луны или мерцание звезд. Еще несколько долгих мгновений — а именно такими они и бывают в часы полнолуния — и на месте свечения появилась молодая женщина.

Ничто не свидетельствовало о ее необычной сущности, во всяком случае, на первый взгляд. Роскошные черные волосы сплетены в тугую косу, как принято в здешних местах. Соблазнительные губы, острые скулы, раскосые глаза, темные как ночь, но это если как следует присмотреться. Ладная фигура, худое, но крепкое тело, что тоже не редкость, особенно среди крестьянок. Платье до щиколоток соответствовало моде, такой фасон можно встретить как у простолюдинок, так и у матрон среднего сословия. Все зависит от ткани и украшений. Аристократки — дело другое,

те носят совсем иные наряды, с пышными юбками, кружевами, золотым шитьем и суровыми корсетами.

Появившаяся на холме незнакомка с легкостью вдохнула полной грудью свежий ночной воздух и стала совершать странные движения. Пошевелила правой рукой, затем левой, с интересом их оглядывая. Сделала несколько шагов по траве, пару раз оступившись с непривычки. Сторонний наблюдатель решил бы, что девушка пьяна, и сильно ошибся бы. Просто госте подлунного мира требовалось время, чтобы привыкнуть к человеческому телу. Она покрутила головой, разминая шею, широко расправила плечи и подняла лицо к черному, как бездна, небу.

— Все в порядке, Повелитель, — негромко произнесла она.

Повышать голос не было нужды: тот, с кем разговаривала незнакомка, услышал бы и невнятный шепот. Ветер пробежал по высоким травам, невесомо коснулся разгоряченных щек, давая ответ: «Хорошо. Все идет по плану. Привыкай и осматривайся».

Женщина кивнула и все еще неровным шагом двинулась вниз по склону холма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Шаг за шагом я осторожно ступала по податливой почве, приравнивая к человеческому телу, как всадник к новой норовистой лошади. Это тело имело собственные инстинкты, и следовало не только подчинить его власти своего разума, но в чем-то, напротив, дать волю, предоставив возможность отвечать за реакции, не нуждавшиеся в моем контроле. Я не впервые принимала человеческий облик, но последний раз был слишком давно. Сколько времени успело пройти? Лет триста по человеческим меркам? Или все-таки пятьсот?..

В очередной раз споткнувшись на ровном месте, ругнулась, помянув принца Света, а подняв глаза, обнаружила прямо перед собой ухмыляющееся существо, смутно напоминающее человека, правда, сходство с обезьяной было тоже немалое. Внимательнее присмотревшись к небритому лицу, жиденькой прическе и неопрятной одежде, я все же пришла к выводу, что вижу перед собой представителя вида хомо сапиенс, особь мужского пола, пусть и в далеко не самом совершенном варианте. Трудно было удержаться от усмешки. Принц Света неоднократно утверждал,

что человек создан по его образу и подобию. Любопытно, что бы он сказал, увидев этого индивидуума?

— Улыбаешься, девонька? — довольно осклабился мужчина.

Я непроизвольно поморщилась: человеческое тело плохо реагировало на резкие запахи.

— Ты что-то съел? Или выпил? — попыталась прояснить причину. — Вряд ли так отвратительно пахнут твои внутренности.

Мужская особь обиделась, если, конечно, я не разучилась правильно интерпретировать человеческую мимику.

— Подумаешь, хлеба с чесночком перехватил, — огрызнулся он. — Ишь ты, какая цаца, запахок ей не нравится. Посмотрим, как сейчас запоешь.

Его липкие потные руки потянулись к моей... кажется, это называется талией. Это бы я еще стерпела, но приоткрытый рот приблизился, и вонь стала уж вовсе невыносимой. Нехорошо, конечно, раскрывать себя сразу, но, уверена, с учетом обстоятельств князь Тьмы меня поймет. Думаю, даже принц Света понял бы.

Отступив на шаг, я пристально взгляделась в глаза случайно повстречавшегося путника.

— Грег Донеллан, тридцать восемь лет. — Зрачки хомо сапиенса удивленно расширились, а я не без удовольствия продолжила: — Совершил насилие над пятью женщинами, младшей из них было четырнадцать, старшей — сорок один. Двух ты после этого убил. Одну, наоборот, сначала убил, а уж потом наругался.

Особь отступила, в ужасе махнула рукой, будто ожидая, что я сейчас развеюсь (как бы не так!), и, качая головой, запричитала:

ПРАВAYA РУКА КНЯЗЯ ТЬМЫ

— Это неправда. Всё совсем не так было. Неправда!

— Ты утверждаешь, что не насильовал тех женщин? — спросила я с любопытством.

Интересно же понять, что творится в голове вставшего на моем пути экземпляра.

— Не знаю, откуда тебе это известно... Наверное, ты — ведьма! — осенило его. Я лишь тихонько рассмеялась. — Но я не некрофил. Я не спал с мертвой! Только немного ее придушил, чтобы не дергалась. Она сама виновата. Но она не была мертва!

— Как любопытно! — воскликнула я, складывая руки на груди. — Какая оригинальная интерпретация морали! Тебя только что обвинили в насилии и убийствах, и это не слишком затронуло твою ранимую психику. Тебя несколько не беспокоит то, что ты мучил живых женщин, способных чувствовать, страдать и испытывать боль. Нет, ты шокирован другим — тем, что занимался сексом с телом, которое к тому моменту уже покинула душа. Телом, которому было совершенно безразлично, что с ним происходит, поскольку его владелица находилась очень далеко отсюда. — Я немного поизучала мужчину и задумчиво покачала головой. — Очень своеобразный моральный кодекс. Признаюсь, он не слишком мне импонирует.

— А мне не слишком нравятся ведьмы.

Похоже, со словом «импонировать» хомо сапиенс знаком не был, но общий смысл понял верно.

— Большая трагедия. Уверена, они чрезвычайно из-за этого страдают.

Лицо собеседника приняло агрессивное выражение (если судить по расширенным ноздрям, плотно сжатым губам, покрасневшему лицу и прочим признакам). Он снова шагнул ко мне.

— Брось, на надругательство ты уже не настроен, — уверенно отметила я, но отчего-то это замечание лишь сильнее его разозлило.

— Зато ты ничего никому не расскажешь, — прошипел он и, накинувшись на меня, начал душить.

Инстинкты, присущие человеческому телу, призывали сопротивляться, попробовать разжать чужие пальцы в борьбе за глоток воздуха. Но я не дала им волю. Вместо этого сомкнула собственные руки на горле мужской особи и сдавила посильнее.

Дышать стало легко, а хомо сапиенс задергался, пытаясь вырваться, но, конечно же, безуспешно. Я ослабила хватку, и Грег Донеллан безжизненно повалился на землю.

Двигимая инстинктами, я прикоснулась к своей шее, хотя прекрасно знала, что отметин не осталось. Склонившись над трупом, запоздало парировала:

— Да нет, это ты никому ничего не расскажешь. — Расстегнула пару верхних пуговиц на рубашке покойного и приложила к его груди кольцо-печатку, которую носила на мизинце. На коже проявился оттиск изображенной на кольце руны. — Это чтобы ты попал, куда нужно, — пояснила я, не вникая в подробности.

Ветер снова всколыхнул траву, давая понять, что мои действия в данном случае излишни... Или предупреждая об опасности.

Я запрокинула голову, повела носом. Пахнуло людьми и животными, похоже, лошадьми. И точно, буквально через минуту ко мне подъехала четверка всадников. Маленький вооруженный отряд, скорее всего, местные стражи порядка.

— Что здесь случилось? — сурово спросил один из них, придерживая разгоряченного коня.

— Ой, страшные дела, господин! — воскликнула я и залилась слезами.

Технически это оказалось несложно.

Мужчина, должно быть, глава отряда, дал остальным знак спешиться. Двое подошли к телу насильника, последний остался на месте, приняв поводья из рук офицера. Тот приблизился ко мне и соизволил-таки представиться:

— Я — Квентин Лотт, начальник охранного патруля. В Вилле обычно спокойно, но этой ночью мы решили объехать окрестности. Вижу, интуиция нас не обманула.

Голос его ощутимо смягчился, и я сделала для себя мысленную пометку — слезы молодой красивой девушки отлично действуют на мужчин. А Вилль, по-видимому, местный городок на окраине интересующего меня графства Торнфолк. Потому-то мой путь и начинался отсюда.

— Расскажи, что случилось.

Я для порядка всхлипнула, но рта открыть не успела: офицера окликнул один из товарищей:

— Квентин, тут тело! — И для пушей точности добавил: — Мертвое.

Взгляд, который перевел на меня Лотт, вновь посушел. Радости от обстоятельств нашей встречи страж порядка явно не испытывал. И то верно: какой же это порядок с его-то позиции? Труп недавно задушенного мужчины, да незнакомая девушка, неведомо откуда взявшаяся на месте преступления. Порядок — это когда убийцы убивают, насильники насильничают, а добропорядочные граждане сидят по домам за семью замками.

— Так что здесь все-таки произошло? — свел брови офицер.

Я разрыдалась пуще прежнего.

— Да что ты, Квент, в самом деле? — К нам подошел один из тех, кто осматривал тело. — Видишь, девушка совсем разволновалась.

Похоже, при общении друг с другом члены отряда не слишком беспокоятся об иерархии. Оно и неудивительно: людей мало, все из крохотного городка, небось знают друг друга с самого детства.

Парень осторожно погладил меня по голове. Этот в любовники не набивался, просто решил проявить участие.

— Сам посуди, — снова обратился он к главному, — мужика задушили — не отравили, не кинжал в спину всадили. Задушили, притом, похоже, голыми руками, а он вон какой здоровый. Думаешь, девчонка смогла бы?

— Ладно тебе, сам вижу, — проворчал Лотт. — Что ты на меня взелся? Разобраться-то надо. А она — свидетельница.

— Расскажешь? — ласково спросил тот, что стоял рядом. Я кивнула, шмыгнув носом. — Вот и хорошо. Ты его знала? — Парень мотнул головой в сторону трупa.

— Нет. Он напал на меня. Снасилничать хотел. — Я снова всхлипнула и выпятила грудь, демонстрируя платье, которое эта зараза и вправду успела помять и даже надорвать по шву. Мужчины сочувственно закивали, поверили, стало быть. — А потом просто чудо произошло! Мужчина прискакал на белом таком жеребце. Молодой, знатный, наверное. Красивы-ы-ый. — Я романтично закатила глаза. — Спешился — и ка-а-ак оттолкнет этого мерзавца! Они ка-а-ак сцепятся в схватке! У меня душа в пятки ушла. А потом тот упал. А этот, красивый который, посмо-

ПРАВАЯ РУКА КНЯЗЯ ТЬМЫ

трел на меня так, дескать, не бойся ничего, — я опустила очи долу, изображая смущение, — вскочил на коня и прочь ускакал. Я даже поблагодарить его не успела. — И теперь уже с надеждой подняла взгляд на Лотта. — А вы его правда найдете? А мне весточку послать сможете?

— Тьфу ты! — сплюнул тот под ноги. — Вот только принца на белом коне нам искать не хватало. Ладно, парни, забирайте тело, и поехали. Тебя как звать? — спросил он, запрыгнув в седло.

— Тесс Вайт. Я из деревни у Малого озера. Там спросите, меня все знают.

— Спросим, если понадобится.

Я смотрела стражникам вслед и даже помахала рукой приветливому пареньку, когда он оглянулся. Ветер стремительно высушил слезы, на губах заиграла слабая улыбка. Не найдете вы в деревушке никакой Тесс Вайт, господин начальник охранного патруля. И за ее пределами лучше не ищите. Ни к чему оно вам. Возвращайтесь домой и вознесите молитву принцу Света за то, что спустились с холма спокойно и без потерь.

ГЛАВА 2

Вилль был тихим провинциальным городком, поэтому неудивительно, что любое событие вызывало здесь особое воодушевление. Сегодня таким событием явилась свадьба. Людское столпотворение вынудило меня задержаться, на время остановив свою колесницу (запряжена она была отнюдь не лошадь, как заведено у местных, но об этом позже). Однако я не в обиде, было даже любопытно понаблюдать за ходом этого нехитрого праздника.

Девушки принарядились, вплели в волосы белые, красные и оранжевые ленты, нацепили на шеи безвкусовые, как по мне, бусы. Мужчины тоже постарались одеться поприличнее, получалось с переменным успехом. Поверх рубашек нацепили традиционные жилеты или кафтаны, а причесаться постарались даже те, кто обыкновенно не имел такой привычки.

Про жениха и невесту и говорить не стоит, эти, конечно же, были разряжены и довольны жизнью. От невесты прямо-таки веяло простым женским счастьем, коварно поджидавшим ее непосредственно за дверью храма. Жених улыбался до ушей, будто вся его жизнь не должна была перевернуться через каких-нибудь четверть часа...

Стоп, а это еще что такое?!

Я приняухалась. У людей нет органов чувств, которые могли бы воспринимать колдовство наподобие того, как слух засекает звук, а обоняние — запах. Но для меня это ощущение более всего напоминало нюх, и потому втянуть носом воздух показалось естественным. А жениха-то, оказывается, приворожили! И, как видно, добротное зелье использовали.

Пришлось приложить усилие, чтобы подобрать отвисшую челюсть. Вот это потеха! Вот вам и скучный провинциальный городишко! Может, он и стоит на отшибе, но страсти здесь кипят почище, чем в иных драматических пьесах. Н-да, не позавидуешь парню. Очухается через несколько дней, недель — или месяцев, смотря когда женушка перестанет кормить его своим снадобьем, а деваться-то некуда. Жена перед принцем Света и людьми — это серьезно, а к тому времени, может, и дети будут на подходе. Девчонка как следует постаралась!

Я прищурилась, затапливо закусила губу. Пришла мне в голову одна идея. Отчего бы не поразвлечься? Вмешаться — и посмотреть, как люди поступят дальше. Я улыбнулась и незаметно щелкнула пальцами.

Жених споткнулся, заморгал, дезориентированно завертел головой, будто не мог взять в толк, как здесь оказался. Он, конечно, все помнил. И как делал предложение, и как пришел к храму, и даже как стоял здесь минуту назад со счастливой улыбкой идиота. Вот только теперь, когда спало колдовство, он оценивал события совсем иначе и отчаянно пытался сообразить, как докатился до такой жизни. С какой стати надумал жениться, тем более именно на этом недоразумении в белом платье? Последняя мысль так отчетливо читалась на его лице, что я чуть не расхохоталась в голос. И подалась вперед, жадно впитывая чужие эмоции, стараясь не пропустить ни секунды из разворачивающегося перед храмом спектакля.

Невеста тронула жениха за плечо, встревоженно взглянула в глаза. Выглядело вполне естественно: беспокоится девушка за пошатнувшегося любимого. Но как минимум двое из присутствующих — она и я — точно знали, что причина ее беспокойства кроется в другом. Кто-то отпустил шуточку о страхе мужчин перед свадьбой. Кто-то решил обвинить во всем погоду: дескать, в такую жару и сознание потерять недолго. Остальные подхватили, предложили поскорее ступить под сень храма. Свадьба снова закрутилась-завертелась, одни запели, другие заторопились внутрь, подъехали новые гости, и среди шума, гама и мельтешения праздничных нарядов уже непросто было выловить бледное затравленное лицо жениха. Тем не менее я сосредоточилась именно на нем: все прочее было сейчас куда менее интересно.